

☪ Лондонская премия представляет писателя ☪

Марвика

Эпифании Марии

Марвика
Эпифании Марии
Серия «Лондонская премия
представляет писателя»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44862499

*Эпифании Марии:
ISBN 978-5-00153-118-0*

Аннотация

«Эпифании Марии» поэтессы Марвики – это сборник, состоящий из девяти миниатюр, проиллюстрированных лирикой. Эпифании связаны общим сюжетом, развивающимся в последовательности ярких, психологически острых эпизодов. Словно высвеченные вспышками кадры жизненной ленты героини складываются в историю генезиса формирования ее творческого дара в широком смысле. Восприятие действительности Марии неизменно празднично-трагично. Истоки такой особенной торжественности родом из детства. Произведение пронзительно и сокровенно. Написано в клиповом формате. Рекомендуется для семейного чтения в разделе "Мужчины и Женщины".

Содержание

Лондонская премия представляет писателя	4
I. Эпифании	8
«Разбив стекло...»	12
В детской	13
Ма-ма	15
Переулкам нашего детства	17
Предательство	19
О первой любви	23
«В объятьях скрестив...»	25
Стансы	27
На Мясницкой	29
Свидание	30
Клеопатра	32
Цветы любви	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марвика Эпифании Марии

**Лондонская премия
представляет писателя**

© Марвика, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Марвика (Мария Витальевна Качарава) родилась в Москве.

С 1996 г. жила во Вшенорах (Чехия), изучала белую эмиграцию.

С 2002 г. в Бургасе – принимала активное участие в восстановлении отношений между Болгарией и Россией.

Член ИСП и СП РК.

Награды:

Орден Св. Св. Кирилла и Мефодия.

Лонг-листы премий В. Г. Белинского (детск. лит-ра) и Франца Кафки.

Шорт-лист Лондонской премии (лучшие русскоязычные авторы 2015–2018 гг.)

Лауреат 1 ст. в ном. «Фантастика», I Международный фест А.С. Пушкина, Крым, 2019.

Лидер лито ЛИДАЙ «Семейное чтение. Клиповый формат».

Моим девочкам

И, расправив от края до края
Белоснежные крылья над крышей,
Вновь парит та, что, к солнцу взмывая,
Улетает все выше и выше!

И звенят серебристые перья:

Ости – струнами в арфе небесной.
Называли в раю её пери,
Величали светилу невестой.

Сквозь неоновый росчерк сиянья
Вновь рождает она, увлекая,
Только ту, что, взлетая, стремится
В мириады светил обратиться.

Нью-Джерси, 8 октября 2017 г.

I. Эпифании

Арабеска «Чёрный дом и жёлтая луна»

А, в сущности, кто мы?

*Но мир был так огромен, чист и светел,
Что туча брызнула грибным дождём
И захлебнулись от восторга дети.*

Чем удивить искушённого читателя? Разве что какой-нибудь простенькой историей.

Жила-была девочка Маша. Только она не как многие другие малышки дома жила, а в одном доме, где «много-премного детей». Мама к ней иногда приезжала. Дом был в лесу. В лес на прогулки ходили.

Маша наклоняется низко-низко, потому что ветки о-о-огромной ёлки на земле лежат, колючие иголки отодвигает и через щёлочки голубых незабудок видит дедушку-боровика. Он так сладко благоухает и так дразнит приглушённым зеленоватым свечением, что нет силы, которая удержала бы Машу не ползти по сухой колючей подстилке сквозь паутины и лысые тонкие веточки к этой радости обладания пахучим незнакомцем.

Воспитательница Клава Петровна каждый раз поражает всю младшую группу своим бесстрашием.

Идём по прохладной лесистой тропе, а на пути – снующий муравейник. Клава Петровна с порывистой быстротой снимает вьетнамки, катает выше колен выцветшие шаровары и ухаёт в хвойный дом двумя ногами. У неё ревматизм. А мы жмуримся и стискиваем скулы. Потому что мы любим муравейчиков. У нас с ними секрет. Мы их едим. Они кисленькие. Если травинку сложишь, они её облепят, намажут, но ждать долго, и уже Клава кричит – созывает на ужин.

Мы любим ходить в лес. Есть в нём одно потаённое местечко, где дикие яблони растут. Мы там играем в зайцев. Грызём кору. Она невкусная и корявая и в зубах застревает, но зато под ней сладкий гладкий ствол. И мы скребём зубами по его нежной желтизне и лижем сок, пока не начнёт мешать высушенное лыко.

Мама подарила Маше маленький пластмассовый аквариум. В нём растут резедовые травы среди камушков и плавают красные гуппи с золотой рыбкой-царевной. Маша принесла его в группу, раскрыла ладошки и – вихрь детского многоручья пронёсся и подхватил мерцающую разноцветными бликами игрушку. Что-то кричали, чем-то стучали, облепив умывальный, ребята, а потом разом стихли, расступились, рассыпались горохом по дневной. И любопытные Машины глазёнки приблизились к белой-белой раковине. Там в прозрачных обломках лежали три цветных камушка. И боль-

ше ничего.

Зимой, когда особенно морозно, мы назначаем дежурство. Сегодня Клаву караулит китаец. Он «взаправду» китаец. У него глаза узенькие, лицо жёлтое, а на щеках, как по рюмочке обведённые, красные кружки румянца. Клаву надо караулить, потому что она в подъезд погреться не пускает. На ней овчинный тулуп и валенки, она больше на сторожиху похожа. Китаец заводит с Клавой разговор, и, когда она, как подсолнух, поворачивается за китайским солнышком к нам спиной, мы, проглотив дыхание, летим в подъезд. Сразу за дверью – батарея. Суём в неё промокшие от снега ноги. Сегодня она чуть тёплая – не обжигает схватившиеся за чугун руки, не льёт по ноге огнём, не наполняет истомой разгорячённые беготнёй четырёхлетние наши сущности.

А, в сущности, кто мы?

Маше часто снится один и тот же сон. Пустая квадратная комната где-то в пространстве. Она наклонена точно под таким углом, что стоящая справа железная кровать не скользит по полу. Кровать пуста, а Маша взлетает под потолок маленьким воздушным шариком. Чем выше, тем больше распирает шарик. И это очень неудобно, больно и страшно.

Сегодня день стрижки. Все мы очень не любим этот день. Голове холодно, а после – шершаво. И именно сегодня Клава Петровна читает в газете статью о летаргическом сне. Вот Маша и думает: а что, если всё, что вокруг, ей снится? Тогда, когда сон кончится, она будет большая-пребольшая, как

Клава. И это странно. Но зато всё остальное не так плохо. Хорошо, что это сон. Хорошо, что мама спящую Машу поит водичкой и кормит с ложечки. Хорошо, что Маша с мамой.

Мама приезжает дежурить в выходные. Это бывает по очереди с другими родителями, но Маше кажется, что очень редко. Когда мама приезжает и уезжает, Маша «видит» её на станции, «видит», как приближается электричка, как мама отряхивает снег с сапожек.

Мама дежурит. Это значит, что на ночь, когда дом засыпает, мама тоже ложится в спальне и караулит детей. Но Маше не спится. Потому что в окно на неё смотрит огромная, как цирк, луна. Она жёлтая и тёплая. И добрая, как мама. Маше не спится, потому что на соседней кровати спит мама. Она устала. И Маша на цыпочках преодолевает заветное расстояние и беззвучно, почти невесомо, – уже примостилась. Со всем на краешке. Чтоб не разбудить!

Луна во всё окно, во весь заснеженный мир, заглядывается на маму, и это – моя радость! Тихая и безмятежная, под звуки маминого дыхания. Но вдруг из-под маминой руки ей слышится шёпот: «Завтра мама уедет!» И боль кривой иглой прошивает до пят. Стискивает там, куда бить больно. И я глотаю-глотаю ручьи безмолвных солёных слёз. И это – огромное, как луна – моё детское горе!

Велико Търново, июль 2009 г.

«Разбив стекло...»

Разбив стекло,
Я пальцами коснулась
В сирени заплутавшего шмеля.

И звуками наполнился мой дом!
Разноязычный щебет за окном
Сменил хорал,

В него влилась дорога,
Кусты малины, дачные сады
И тень от жёстких крыльев стрекозы,

Покрывшая собою весь просёлок.
Дохнуло небо, круто грянул гром,
Но мир был так огромен, чист и светел,

Что туча брызнула грибным дождём
И захлебнулись от восторга дети.
Взметнулись цветом белые сады

И задышали флоксами... А ирис —
Над диском появившейся луны
Бил лепестками, как крылами ибис.

В детской

– Нарисуй меня морем,
Длиннокосой русалкой.
Нарисуй меня небом,
Серебристой луной.
А ещё я хотела
Быть отважным фрегатом,
Подгоняемым ветром
И зелёной волной!

– Как, скажи, угодить всем:
И дельфину, и чайке?
Голубым незабудкам,
Солнцу в небе весной?
Быть тобой все стремятся —
Посмотри, как толпятся
Над листками бумаги,
Над её белизной?
Я тебя нарисую
В синей майке, босую —
В поле ржи, что за домом
Серебрится в рассвет.
С васильками – глазами,
С красным маком – губами.
Будет очень похоже,
Это будет портрет.

– Нет, не надо, не надо
Мне ни маков, ни сада!
Лучше зайчиком в поле
Белоснежной зимой!
Вот смотри: Видишь? – носик
Показался из норки,
А теперь чёрный глазик,
Совершенно косою.
И сама нарисую
«Хохотницу» лису я!
Как «хохотится» тихо,
Как крадётся тайком.
Вот от лапок дорожка.
Подзасыплю немножко,
Чтобы зайчик остался
Непременно – живой!

Нью-Джерси, 2017 г.

Ма-ма

– Мама! Где она, твоя мама? Нету её, мамы твоей!

Солнышко пригрело, и белые зимние мухи тают на лету. Нянечка МарьИванна лупит веником Ваську, трёхлетнего сорванца из младшей детдомовской группы.

– Не смей котят мучать! Не смей! Паразит такой!

Васька ещё не может толком говорить. Он заливается слезами и кричит:

– Мама, мама!

МарьИванна злорадно подхватывает:

– Мама! Где она, твоя мама? Нету её, мамы твоей! У-у-у, гад такой! Бедного котёночка за хвост таскал! Бедному котёночку больно сделал! Ты что ж, не понимаешь? А раз не понимаешь, вот тебе, вот тебе!

И она снова охаживает Ваську мокрым веником по ногам.

Маленький рыжий котёночек Дёма смотрел-смотрел на своего обидчика и как прыгнет на МарьИванну. Но не потому, что ему стало жалко Ваську, а потому, что веник ему очень приглянулся. Вот он и вцепился в веник всеми когтями, а заодно и в руку МарьИванны.

МарьИванна как отшвырнёт веник с Дёмой да как закричит во всё горло, зажимая расцарапанную руку:

– Ах ты, гад такой! Да вы оба гада! Сговорились против меня! Вот я сейчас только йодом руку помажу – и вы у меня

попляшете, я вам покажу кузькину мать!

И МарьяИванна бежит в медкабинет, к аптечке.

Васька сквозь слёзы смотрит на Дёму и шмыгает носом. Он удивлён, что котёнок его защитил. А Дёма смотрит на Ваську. Он уже забыл, как Васька его за хвост крутил.

Но Васька, хоть и не говорит, но парень смышлёный и догадывается, что скоро МарьяИванна вернётся. И тут уж им обоим несдобровать. Вот почему он засовывает Дёму за пазуху и вылезает с ним в окно.

Рядом с окном – пожарная лестница, и Васька быстро карабкается по ней. Всё выше и выше. Дёме хорошо у Васьки за пазухой, тепло и как-то очень уютно. Вот уже и крыша. А на ней горы снега, искрящегося голубизной в солнечных бликах сильно пригретого солнца. На вершине большого, слежавшегося за зиму сугроба Васька роет ход. А Дёма прыгает вокруг, купаясь в белоснежных фонтанах снега, летящего из-под Васькиных рук. Быстрее, быстрее – торопится Васька сделать себе укрытие. Снег колкий, с вмёрзшими льдинками, и хотя руки все в ранках и от холода гудят, Васька, спрятавшись в берлоге, счастлив. В сугробе прохладно, и Дёма, свернувшись на груди Васи тёплым мурчащим комочком, греет его. Вася слушает эту песенку, как колыбельную, гладит Дёму, целует в нос и говорит ему:

– Ма-ма.

София, 2014 г.

Переулкам нашего детства

Плывёт по потолку во тьме
Свет проезжающих машин;
Мне так приятно в тишине
Ловить уютный шорох шин.

Я слышу, как ложится снег,
Как мягко дворник путь скребёт
И как будильник на столе
Мгновеньям счастья счёт ведёт.

И снова эркер оживил
Проектор движущихся фар:
Звук, нарастая, подманил
В проём окна размытый шар.

Собой заполнив полукруг,
Переменяясь, как гармонь,
Метнулся и пополз на звук
Холодный вкрадчивый огонь.

Но звук огонь переметнул,
В движенье плавном заскользив,
И угол дома обогнул,
Сменив тональность и мотив...

Димчево, осень 2006 г.

Предательство

*От моего воображенья
Пришло желанье – не любить.*

*И две её руки, две ивовые плети,
О тучи бились!*

Я познала горечь предательства в возрасте неполных пяти лет...

Жила я себе, жила (так говорят, когда день ото дня немногим отличается) в интернате – «от трёх до пяти». Может быть, жила бы и дальше, но внезапно разболелась. Воспалился у меня лимфатический узел в паху. Температура под сорок. По скорой из Звенигорода повезли меня в Филатовскую больницу в Москву. Помню неясно: жар, одевание, заснеженная дорога, хотя и было лето. Но вот обстановка в операционной врезалась в моё сознание навеки.

В лучах направленной на меня лампы блестели всевозможных размеров и форм ножички и вилочки с щипчиками и два огромных дяди склонились надо мной, отчаянно орущей, призывая замолчать хотя бы на мгновение.

– Тебе же не больно! – убеждали они меня, смеясь.

Один из них, державший нож в руке, был похож на Карабаса-Барабаса, готового напасть на меня. Ему было особен-

но, как мне казалось, весело. И вот к нему-то после проверки на боль – послушалась, замолчала, и действительно было не больно, но не поверила! – ведь он нож на меня наставил, – и обратилась я с мольбой!

– Дяденька, не режьте меня! Пожалуйста, отпустите меня! – кричала я, хотя понимала всю безысходность моего положения.

Я давно узнала, что это – безысходность. Когда мама начала собирать меня в дальнюю дорогу, я подбежала к дяде, её знакомому, и попросила закурить, потому что меня дразнил запах сигареты в его руке.

– Возьми, – сказал он и так ее повернул, что обжёг мне руку. Я оттянула большой палец и увидела саднящий водянистый пузырь. Мне было очень обидно.

Когда мама оставляла меня в незнакомом доме, я ещё не знала, что это навсегда. Просто мама исчезла, а меня отвели в большую комнату с множеством детских кроваток и положили спать. Я безудержно плакала, я промочила своими слезами насквозь всё одеяло и ждала, когда мама придёт. Потом я описалась, и меня, не ругая, переодели. Меня вырвало. И меня снова, не ругая, переодели. Больше я ничего не помнила...

Моё сознание проснулось от прикосновения к холодному вафельному полотенцу. Как и другие малыши, я протирала им ноги перед сном. И в следующий миг до меня стал доходить смысл разговора двух нянь.

Одна говорила другой обо мне:

– Видишь эту девчонку? Она «тово»: ревела всю неделю!

И вот теперь мой ум, привыкший в условиях двухлетнего пребывания вдали от семьи к различным ухищрениям коллективной жизни, метался в поисках привлекательного предложения для дяди, державшего ножик в руке. Что могла предложить я ему, готовому разделаться со мной, как Карабас-Барабас с Буратино? Что? Я панически искала. И нашла!

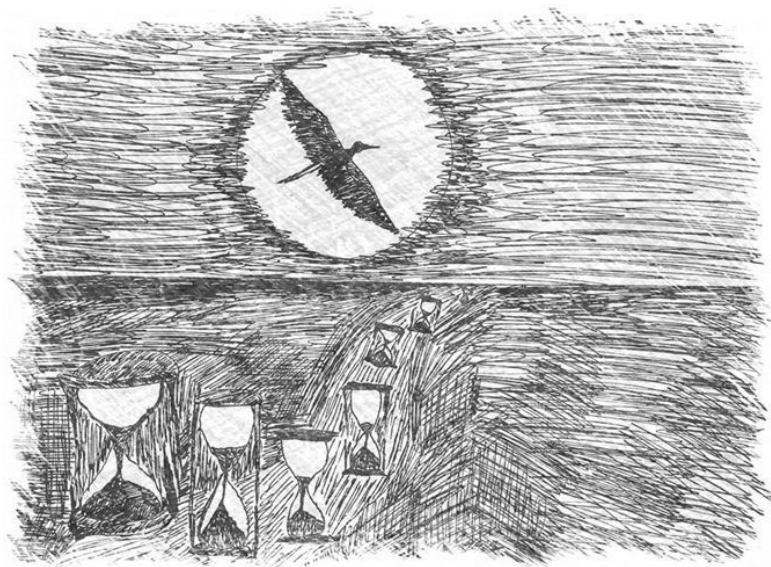
– Я, я буду любить вас, дядя, я буду любить вас больше... чем мою родную мамочку! – прокричала я.

И в ту же секунду все моё естество содрогнулось от ещё большего ужаса. Ужаса от того, что я отказалась от единственного, что было моим, – от любви к моей дорогой мамочке. После этого осознания я перестала беспокоиться об исходе идущей уже полным ходом операции. И вспоминаю себя уже в момент моего любознательного изучения дырки в паху. В палате, где я размотала бинты, мне думается, на третий день пребывания в больнице.

В коридоре у окна я рассматривала с другими детьми стены и башенки зоопарка, не зная, что это такое.

А в следующий проблеск памяти я увидела себя выходящей с мамой из дверей больницы. Это неопишуемое ощущение её близости, запаха сирени от её руки, державшей мою руку, омрачалось беспокойством стыда – стыда моего отречения, о котором она так никогда и не узнала...

Москва, 2010 г.

О первой любви

Я неожиданно проснулась,
И ты в ногах моих сидел.
Палата девочек тянулась
Кроватями вдоль белых стен.
Приятель твой с моей соседкой
Вёл приглушённый разговор
О лошадях за перелеском.
Ловила я твой влажный взор,
Твои ленивые движенья:
Как будто не шестнадцать лет,
А тысячи преobraжений
Ты нёс в себе. И мой портрет,
Белеющий над изголовьем,
С моей душой столкнулся вновь
В том беспощадном первом чувстве,
Людьми зовущемся любовью.
И от того противоречья:
От восхищения тобой —
Твои красивые движенья,
Твой профиль, тот же, что и мой, —
И в то же время неприятья
Твоей манеры говорить,
От моего воображенья
Пришло желанье – не любить.
Физически мне было больно,

Когда ты что-то говорил
С усмешкою высокомерной
И чёрной бровью поводил,
Что мысленно я так желала
В движении остановить.
И надвое меня ломало:
И ненавидеть, и любить
Одновременно – непосильно
Мне становилось. И душа,
Стеснённая, затрепетала,
Когда во тьме тебя нашла.
О, если б той далёкой ночью,
Когда ты на меня смотрел,
Пробравшись, как к своей Джульетте,
Мой дух на мой портрет слетел,
А я, оставшись только плотью,
В тебе Ромео приняла
И лишь мизинцем, незаметно,
О том почувствовать дала...
Как нежно бы пророчица-луна
В объятья нас с тобою приняла!
И оттого, что мы сошли с ума,
Какие б нам Любовь права дала!
Но я не знала древнего искусства:
И мы не пережили это чувство.
И ночь растаяла, как на песке вода,
И замелькали бешено года...

Димчево, 2009 г.

«В объятьях скрестив...»

В объятьях скрестив
Наши руки —
Увявшие крылья,

В потоках любви
Упивались
Бесчувствием веса.

Но близится день —
Опадает ночная завеса,
И чуть было стёртое время

Проявлено вновь,
И стала нелепо осмысленна
Наша любовь.

Вновь – цепи и пирс,
И к галерам прикованный торс;
А где же мой Пирр?!

Но пронзённый стрелой альбатрос
Мне в ноги упал,
Обагрив тунику и плащ.

И я поняла,

Что мечта о любви —
Не сбылась!

Москва, январь 1996 г.

Стансы

1

Пока ладьи мятежных глаз
У переносиц на приколе,
Не в силах дать зарок в любви —
Должны! – согласно Божьей воле.

2

Со мной ты пел.
Когда мы возвращались.
В реке плыл май,
И в водах отражались
Прекрасные глаза
Моей трёхлетней Анны:
Глаза – что бирюза,
А помыслы – туманны!

Когда ты плыл с другой,
Всё резало весло

Тугую плоть воды.
И в середине реки свинцовой
Тонули тучи, и туманы вились,
И две её руки, две ивовые плети,
О тучи бились!

3

Висящий светлый купол над водой —
Вместилище ярчайшей из акустик.
Плѣс Нерли – колизей, объятый тишиной:
Блаженство и покой в преддверии устья.

4

Миг радости щекочет нежно бок
Одной ладьи, но почему другая
Кренит безудержно в потоки горьких слѣз,
Когда смотрю в тебя, как в окна рая?

Устиново, 1998 г.

На Мясницкой

Свеча в венце сиреневых цветов,
Его вопросы, нежные признания.
И вид Москвы, парящей за окном,
И ощущение близкого страдания.

Дверные косяки больших квартир
Коварно наши лики обрамляют:
Щелкнёт затвор, как выстрел из мортир,
Прицел в висок – лишь так поэт играет?

Театр чувств: Она и снова Он.
Открылась дверь, и запах старых улиц
Ворвался в дом. А он стоял, нахмурясь,
В бессмысленности встречи убеждён.

Глаза проговорили: уходи!
Она метнулась к лифту, не целуясь.
И долго сыпал снег в её лицо,
А он кружил по комнатам, сутулясь.

Москва, январь 1994 г.

Свидание

В послеполудень
Блики солнца,
Чуть подгоняемые ветром,
По кашемировым завесам
Плывут
И с пола на фарфор
Перемещаются.
Но это
Не прерывает разговор,
Что только начат.
Ложечка едва
В бисквитный торт
Рукой погружена;
Снуют пылинки;
Безе просело —
Вечная беда;
Пришпилена
К тартинке ветчина;
И в ямках
От изъятого желтка
Блестят икринки.
Раздвинув время,
Луч скользнул во двор,
Где, как в кувшине,
Гулок разговор,

Усиленные,
Ухают шаги
Прохожего,
Отчётливо слышны
Все звуки
Умирающего дня.
И ты уже не смотришь —
На меня...

Химки, весна 1995 г.

Клеопатра

На кончиках пальцев,
На краешках губ
Незримо огни сладострастья цветут.

И жерло рапана,
Раскрытое пленно,
Ласкает горчище-солёная пена;

Но мигом поздней
Песнь поёт он на суше,
Послушно волнуем струёю воздушной.

О розы шипы
В кровь исколоты пальцы,
И губы сухи,

И натянута в пальцы
По счёту идущая
Следом судьба.

Огонь и вода,
Даже медные трубы —
Всё пройдено!

Но лишь карминные губы

Слегка приоткрыв,
Ослепят жемчуга

И томным прищуром
Поманят глаза,
И как бы ты ни был —

Ни страстен, ни нежен,
Но слаб:
И копьём амазонки повержен.

Она же – как идол любви —
Безупречна.
И новую жертву манит так беспечно,

Как будто жена —
Не орудие рока
Для избранных

Там, где волнуется око,
Пружинит нога,
Выгибается плоть,

И в смету за ночь
Входит право колоть.
Не видит она

Сквозь кровавый сценарий
Мужской пантеон,

А не дамский гербарий.

Не видит Аресом
Затеянный бой,
Славнейших мужей

Прорежающий строй.
Но это поправне в любви —
Не предел.

Есть негa другая:
Души совершенство.
Пройдя испытанье —

Увидишь блаженство.
И это лишь гениев
Гордый удел!

Москва, Фили, 2 мая 1993 г.

Цветы любви

*Красный праздничный цветок,
Желтизна воицинной свечи.*

*Вдруг откуда-то сверху я услышала:
– Смотрите, это его девочка!*

Я кружу вокруг них целую неделю. И они не вянут. Это – белые розы. И их двенадцать.

Это число полноты. Не устаёт вздрагивать стрелка, раскручиваться пружина, маятник не умаялся отбивать минуты. Но всегда есть предел – двенадцать ударов! И снова – всё снова.

Каждый знает о себе сам, где и когда его порядок установили. Моему же начало было положено в мои двенадцать лет – на Голубых озёрах в Псковской области.

В праздник Нептуна на родительский день в туристическом лагере меня назначили Афродитой. По плану лодку с Афродитой спрятали за островом Любви на озере Малый Иван. Там мне девочки-спутницы сплели венок из белых водных лилий, а мальчишки-гребцы зажгли два сигнальных красных фальшфейера. Повалил густой розовый дым, и мы заскользили по водной глади к берегу...

Белые розы, которые ты подарил мне, благоухают белы-

ми водными лилиями. И в них та же чистота первозданной изваянности. Я не могу налюбоваться ими. Как не могу налюбоваться Божественной искрой в тебе. Если бы это были алые розы, я писала бы о неуёмности своего любования. Но эти царственные бутоны сбивают волну страстности в белый плотный свиток, внутри которого, я знаю, запечатлены золотые письма.

Было время, я боялась штампов. Но пришёл день, и я поняла, что есть незыблемые символы. Среди всех цветов, полученных мною в дар, я приняла только два букета. Твой и тот, первый, в день моего пятнадцатилетия, что мне подарили в посёлке Криуляны Молдавской области.

Там мы, московские школьники, проходили трудовую практику: пололи гладиолусы. Бескрайнее поле, заросшее по пояс сорняками. А местные ребята, не знаю, чем занимались днём, вечером же крутились у нас: подпаивали мальчишек, заигрывали с девчонками. Наши руководители решили отметить дни рождения двух человек и организовали посиделки, на которые почему-то пригласили этих крутых парней. Не помню, что подарили Мише Молчанову. Я же от смущения не знала, куда глаза деть. Особенно после того, как незнакомый парень торжественно преподнёс мне единственную розу. Но зато какую! Это была гигантская роза. Если бы её мерили на вес, как местные помидоры, то я сказала бы «кило двести». Или по размерам можно было бы соотнести ее с дыней-колхозницей... Но как можно обходиться в оцен-

ках таким образом с Розой! Может быть, из-за этого случая я охладела к дарёным цветам, и особенно к розам.

Долгое время любила я скромные лесные и полевые цветы: ландыши, которые в Болгарии называют «девичьей слезой», лесные фиалки, луговую гвоздику, васильки. Позже – цветы кустарников: бересклет и снежноягодник.

Когда мне исполнилось двенадцать лет, в то самое лето отдыха на Голубых озёрах, я по возвращении домой сидела за обедом напротив мамы, печатающей на машинке. Вдруг мама заплакала. Я очень испугалась за неё и почему-то подумала, что она беременна и поэтому боится. «Ну ничего, – подумала я. – Справимся, мама родит, и всё будет у нас хорошо».

Однако я ошибалась.

Мама долго не решалась сказать мне о причине своих слёз, но, наконец, набравшись духу, пригвоздила меня к стулу:

– Машенька, только скажи, что ты не будешь расстраиваться! – и я пообещала. – Ты знаешь, произошло ужасное: Слава Кудрявцев умер!

Слава был мальчиком из моего класса. Однажды меня выставили за дверь за разговоры на уроке французского. Я стояла в коридоре и смотрела в дверную щёлку, которая приходилась точно на Славу. Только он меня и видел. Смотрел-смотрел, а потом бросил мне записку. В ней было написано: «Что я могу для тебя сделать?»

Я хотя и была безотцовщиной и знать не знала, что такое есть мужчина, но каким-то шестым чувством поняла, что так пишут только настоящие мужчины. Я была потрясена его готовностью что-то сделать для меня в этой безысходной ситуации. Может, надо было поманить его, и он, я уверена, вышел бы ко мне. Но я же была «дикая собака Динго» и просто отвалилась, засмуцавшись, от щели. Тут и директор школы мне на помощь подоспела.

Ещё я помню, как Слава привлекал моё внимание шутками в коридоре, но потом все дружно решили, что он влюблён в Ольгу Кузьмину, анемичную блондинку.

И вот теперь меня прошили эти мамины слова. Я начала плакать и всё время повторяла слова из песни: «Знаете, каким он парнем был...»

Похороны должны были состояться на следующий день. Утром я поехала на Ваганьковское кладбище покупать цветы. Почему туда, не знаю. У входа стояла торговка с белыми гладиолусами. Я стала покупать этот сентябрьский школьный букет.

– На свадьбу? – спросила она меня.

И я ответила уже сквозь слёзы:

– На смерть!

Прямо с кладбища я пришла на Арбат. Отыскала дом, где он жил, встретила двух мальчишек из нашего класса. Я была к тому времени очень высокой и яркой девочкой. На вид мне давали четырнадцать, и мальчики были на голову ниже меня.

Они прошмыгнули в подъезд, а потом обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.